

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будучи практикующим психоаналитиком, я прихожу к выводу, что вся современная психотерапия, в конечном счете, озабочена главным образом проблемой поиска индивидом мифов. Почти полная утрата мифов западным обществом явилась основной причиной рождения и развития психоанализа. Благодаря Фрейдю и представителям других направлений психотерапии стало ясно, что мифы – важнейшая составляющая языка психоанализа.

Очевидным свидетельством глубочайшей потребности, которую испытывает в мифе западный мир, представляется огромный интерес к телепередачам Джозефа Кэмпбелла* о мифологии. Но если Кэмпбелл говорил почти исключительно о мифологии Индии, Азии, Китая и Малой Азии, то эта книга посвящена тому, как мифы присутствуют непосредственно в сознании и бессознательном современных обитателей Запада. Речь в ней пойдет о тех историях (нарративах), которые в наши дни постоянно появляются в рассказах пациентов в ходе психотерапии.

Я использую в книге выражение «крик о мифе», поскольку считаю, что наше время испытывает в мифах безотлагательную нужду**. Многие проблемы нашего общества, включая распространение квазирелигиозных сект и рост числа лиц, страдающих наркотической зависимостью, происходят от нехватки мифов, дающих каждому из нас ощущение внутренней безопасности, необходимое, чтобы жить подлинной жизнью

* Джозеф Кэмпбелл (1904–1987) – американский мифолог; в 1985 и 1986 гг. американское телевидение показало серию его бесед с журналистом Биллом Мойерсом, посвященных мифологии. (Здесь и далее примечания, кроме особо оговоренных, принадлежат автору. Пояснения к ним переводчика даются в квадратных скобках.) – *Прим. пер.*

** Оригинальное название книги – «The Cry for Myth»; ср. выражение «крик о помощи». – *Прим. пер.*

в наши дни. Как я пытаюсь показать в этой книге, резкий рост количества самоубийств среди молодежи и неожиданное увеличение числа случаев депрессии, характерное для всех возрастов, вызвано как мифологической путаницей, так и отсутствием мифов, адекватных жизни в современном обществе. Смею надеяться, что эта книга станет одной из наших попыток привлечь внимание американцев и жителей других стран к проблеме мифа, что она поможет осознать его значение и показать, как человек может заново открыть мифы в качестве средства постижения самого себя.

Это особенно необходимо в ситуациях поиска смысла жизни, сопряженного с творчеством, любовью, преодолением выпавших нам испытаний: ведь мы стоим на пороге нового столетия. Приближение нового исторического периода заставляет нас произвести переоценку нашего прошлого и задать вопрос о том, каков смысл нашей жизни – прожитой и проживаемой ныне. Именно эти мысли побуждают меня предложить читателю эту книгу.

Ролло Мэй

Нынешняя эпоха искривлена из-за уничтожения мифа. Нынешний человек, лишенный мифа, мучается от голода, окруженный событиями прошлого, и должен неистово рыть в поисках корней, пусть даже они уходят в самые глубины истории.

Ницше. Рождение трагедии из духа музыки

Вероятно, вам может показаться, что наши теории – это своего рода мифы... но разве любая наука в конечном итоге не приходит к своего рода мифологии вроде этой? Разве то же самое нельзя сказать в наши дни о вашей физике?

Фрейд. Из переписки с Эйнштейном

В наши дни в студенческих городках мы слышим крик, обращенный к мифу – иногда это крик в молчании. Наука и гуманизм должны объединиться, чтобы ответить на этот крик.

Мэтью Бронсон, биолог.
Из выступления на студенческой конференции
в Калифорнийском университете, Сан-Диего

ЧАСТЬ I

ФУНКЦИЯ МИФА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧТО ТАКОЕ МИФ?

Изучаемый вживе, миф... не есть объяснение с целью удовлетворить научный интерес, но повествование, воскрешающее доисторическую реальность. Он рассказывается ради удовлетворения глубоких религиозных потребностей, моральных нужд.

Бронислав Малиновский.
Магия, наука и религия

Миф – это способ ощутить смысл в бессмысленном мире. Мифы – это повествовательные, нарративные паттерны, придающие значение нашему существованию. Будь смысл существования лишь порождением нашего собственного морального выбора, который мы отваживаемся совершить и который приписывается жизни, как полагал Сартр, или же он есть нечто такое, что мы призваны открыть, как утверждал Кьеркегор, итог один: мифы – это наш путь поиска этого значения и смысла. Мифы подобны опорным балкам в доме: они не видны снаружи, но именно на них держится весь дом, так что в нем могут жить люди.

Мифотворчество очень важно для обретения душевного здоровья, и сострадающий пациенту психотерапевт не станет мешать этому процессу. Действительно, само рождение и развитие психотерапии в современную эпоху было вызвано разрушением наших мифов.

В здоровом обществе с помощью мифов его члены обрета-ют освобождение от невротической вины и чрезмерной тре-воги. К примеру, в Древней Греции с ее живыми и сильными мифами каждый представитель общества мог противостоять экзистенциальным проблемам, не испытывая неодолимого чувства тревоги или вины. Именно поэтому в те времена были философы, говорившие о красоте, истине, благе и мужестве как о ценностях человеческой жизни. Мифы дали Платону, Эсхилу, Софоклу возможность создать великие произведения философии и литературы – сокровища, сохранившиеся до наших дней.

Но когда мифы классической Греции пришли в упадок (это случилось в III–II веках до н.э.), Лукреций узрел, что

всех снедает в сердце забота
И беспрерывно их дух угнетают невольные страхи,
Гложет сомненье всегда и тяжкие жалобы мучат*.

Мы, живущие в XX веке, оказались в сходном положении: нас снедает забота и мучат жалобы. Наши мифы более не слу-жат созиданию смысла бытия; в наши дни граждане остались без руководства и цели в жизни; людям трудно контролиро-вать тревогу и необоримое чувство вины. Поэтому, чтобы по-лучить помощь и сплотиться, они толпой идут к психотера-певтам или тем, кто может их заменить, попадают в секты, принимают наркотики. Психолог Джером Брунер с полным правом пишет: «Когда господствующие мифы не могут по-мочь человеку в его разнообразных нуждах, люди переживают фрустрацию, которая выражается в отвержении мифов, а затем – в одиноких поисках внутренней идентичности»**.

* Тит Лукреций Кар. *О природе вещей*. Книга VI. Стихи 14–16. Пер. Ф.А. Петровского. М., 1983. С. 201. Здесь и далее сноски на цитируемые тек-сты при наличии русских переводов даются по соответствующим изда-ниям. Переводы цитат (помимо эпиграфов), кроме оговоренных случа-ев, выполнены нами. – *Прим. пер.*

** Джером С. Брунер. Миф и идентичность [Jerome S. Bruner, “Myth and Identity”, in *Myth and Mythmaking*, ed. Henry A. Murray (New York: George Braziller, 1960), p. 285].

Эти «одинокие поиски внутренней идентичности» – широко распространенная в нашем обществе потребность, способствовавшая развитию психоанализа и многих форм и видов психотерапии, вызвавшая к жизни множество панацей и культов с присущим им созидательным и разрушительным потенциалом.

«Я НЕ ОБЕЩАЛА ВАМ РАЙСКОЙ ЖИЗНИ»

Роман «Я не обещала вам райской жизни» автобиографичен. В нем рассказывается о терапевтическом процессе: молодая женщина по имени Дебора, страдающая шизофренией, лечится у психотерапевта. Повествование о волнующих событиях этого процесса захватывает, как современный фильм об инопланетянах. В терапии постоянно присутствуют мифы, и это взаимодействие необыкновенно увлекательно. В жизни Деборы существуют мифические фигуры: Идат, Ир, Антеррабе, Лактамеон, Собрание; все они обитают в королевстве Ир. Так как Дебора не может общаться ни с кем на белом свете, она отчаянно нуждается в них. Она называет богов Ира «своими товарищами – тайными друзьями, в полном смысле слова *разделявшими ее одиночество*»*. Она бежит к ним всякий раз, когда ее охватывают чувства страха или невыносимого одиночества в так называемом реальном мире.

По пути в больницу Дебора и ее родители останавливаются на ночь в мотеле, в соседних комнатах:

По другую сторону стены Дебора вытянулась, чтобы уснуть. В королевстве Ир существовала нейтральная территория под названием Четвертый уровень. Попасть туда можно было лишь случайно; желания или заклинания здесь не помогали. На Четвертом уровне не было ни постоянных чувств, ни тягостной борьбы с прошлым и будущим, потому что прошлого и будущего не существовало...

* Ханна Грин. Я не обещала вам райской жизни [Hannah Green, *I Never Promised You a Rose Garden* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964), p. 55]. (Курсив мой.)

Теперь, лежа в постели, она очутилась на Четвертом уровне, и будущее более не заботило ее. Люди в соседней комнате, кажется, считались ее родителями. Пускай! Но они были частью мира теней. Он исчезал, и сейчас она, свободная, бросилась в новый мир, где не было тревог. Удаляясь от старого мира, она также двигалась прочь от лабиринтов королевства Ир, от Собрания Других, от Цензора, от богов Ира. Она повернулась на другой бок и уснула глубоким тихим сном без сновидений.

На следующее утро она ощутила большой прилив сил; мифы принесли ей утешение:

...Когда машина удалялась от мотеля, устремляясь в солнечный день, Деборе пришло на ум, что путешествие может продолжаться вечно и что ее спокойствие и чудесное ощущение свободы могут быть даром богов и правителей Ира. А ведь обычно они были так требовательны*.

Боги в мире Деборы обращают на себя внимание не только глубиной образов, но и значительным сходством с тем, что тридцать лет спустя мы увидели в «И-Ти», «Возвращении джедая», «Ближних контактах третьего вида»** и других фильмах о внеземных существах, пользующихся успехом у миллионов детей и взрослых в наше время, в конце XX века. Дебора страдала шизофренией. Но где провести границу между шизофренией и активным творческим воображением? Вот вечная загадка. И вновь Ханна Грин (псевдоним автора) пишет:

Она начала падать в Ир вместе с Антеррабе сквозь расщепленную пламенем тьму. На этот раз путь был длинен. Долгое время ее окружал полный мрак; затем показалось что-то в виде серых вертикальных полос. Место было ей

* Ibid., p. 12.

** «И-Ти – инопланетянин» («E. T. – The Extra-Terrestrial»), 1982, реж. С. Спилберг; «Возвращение джедая» («The Return of the Jedi»), 1983, реж. Р. Маркуанд – фильм из цикла «Звездные войны»; «Ближние контакты третьего вида» («Close Encounters of the Third Kind»), 1977, реж. С. Спилберг. – Прим. пер.

знакомо: они попали в Преисподнюю. Собрание и Боги стонали и кричали, но даже их невозможно было понять. Слышались и человеческие голоса, однако звуки не несли в себе смысла. Мир вторгался сюда, но он был раздроблен и неузнаваем*.

Психиатр Фрида Фромм-Райхманн, ставшая терапевтом Деборы в клинике Чеснат Лодж, поступила мудро: с самого начала она дала Деборе понять, что не станет устранять этих богов против ее воли. Доктор Фрид – так она названа в книге – использовала их в ходе лечения: иногда она намекала Деборе, чтобы та сказала своим богам то-то и то-то, а иногда спрашивала, что они говорят ей. Самое главное, доктор Фромм-Райхманн уважала потребность Деборы в этих мифических фигурах и стремилась помочь ей увидеть, что она, Дебора, сама создала их. На одной из сессий

доктор мягко промолвила: «Наше время истекло. Вы правильно поступили, рассказав мне о тайном мире. Я прошу вас вернуться и сказать этим богам, Собранию и Цензору, что я не испугаюсь их и что заставить нас бросить работу не в их власти»**.

Но когда доктору Фрид пришлось уехать на лето в Европу, Дебору временно препоручили молодому психиатру, до мозга костей пропитанному современным рационализмом. Этот психиатр ополчился на «галлюцинации» Деборы, вовсе не подозревая, как она нуждается в этих мифах. В результате пантеон Деборы и ее неземное королевство оказались разрушены. Девушке стало заметно хуже. Она ушла в свой мир, полностью отрезанный от окружающей действительности. Героиня устроила пожар в санатории, жгла и калечила себя – словом, вела себя так, будто ее человеческая природа полностью разрушилась. Но ведь именно это с ней и произошло. У

* Hanna Green, *I Never Promised...* P. 31. Это описание обладает любопытным сходством с Дантовым Адом, о котором пойдет речь ниже в главе 9, «Психотерапевт и Сошествие во Ад».

** Ibid., p. 56.

нее отняли душу – то, что было самой важной функцией ее сознания, фактически его основой, – и ей стало буквально не за что держаться.

Дебора описала случившееся доктору Фрид, когда та вернулась из Европы. Тот психиатр, плакала она, «все время хотел продемонстрировать, какой он умный и что он кругом прав». Заливаясь слезами, она продолжала: «Он мог бы с таким же успехом сказать: “Образумься и брось свои глупости”. Проклятье! – простонала Дебора. – Проклятье!.. Я ведь говорю правду, а мир отвечает на нее одной только ложью!»

Поведение психиатра-рационалиста может послужить нам аллегорией нынешней эпохи. Когда мы в XX столетии изо всех сил стараемся доказать, что наше формальное мышление несет в себе высшую правду, и одним махом отбрасываем мифы со всеми их «глупостями», то тем самым роковым образом обедняем собственную душевную жизнь и угрожаем уничтожить общество, в котором живем.

Мифы Деборы присутствуют в книге «Я не обещала вам райской жизни» вплоть до последней страницы. Но в конце концов она понимает, что ее мифы – это также плод ее богатого творческого воображения. Доктор Фрид помогла ей понять, что избрать форму, в которую облекутся эти мифы, в ее власти – пусть поначалу это будет якобы форма шизофрении.

Дебора участвовала в создании мифов, но не создавала *потребности* в них, и это важно отметить. Эта потребность уготована нам, поскольку мы – люди, это часть нашего языка, часть того, как мы понимаем друг друга. По завершении терапии дарования Деборы проявились в полной мере, дав многое ей самой и духовно обогатив общество: возвратившись из Чеснат Лодж, она написала и опубликовала несколько превосходных романов, причем по меньшей мере два из них были посвящены людям с серьезной неполноценностью.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, написана не столько о шизофрении, сколько об общей нашей потребности в мифах – неотъемлемом свойстве человека как такового. Формы, которые принимают мифы, могут различаться. Но *нужда* в мифе и *крик* о мифе будут существовать до тех пор,

пока существуют люди. В этом смысле мы все подобны Деборе: хотя мы создаем собственные мифы самыми разными способами, вместе или в одиночку, мифы необходимы, потому что они дают возможность выстроить мост между нашей биологической составляющей и нашим личным «я».

Мифы суть наши собственные интерпретации нашей же внутренней сущности в ее отношении к внешнему миру. Это нарративы, объединяющие общество*. Мифы необходимы для того, чтобы мы, живя на свете, могли сохранить живыми наши души и обрести новый смысл во враждебном и зачастую бессмысленном мире. Такие составляющие вечности, как красота, любовь, великие идеи, внезапно или постепенно являются нам, облекаясь в язык мифа.

Поэтому сотворение мифа имеет первоочередную важность в психотерапии. Необходимо, чтобы терапевт позволил пациенту отнестись к своему мифу серьезно, как бы ни проявил себя миф: во сне, в свободных ассоциациях, в фантазии. Всякий, кому нужно установить порядок и соответствия между эмоциями, ощущениями и идеями, которые, словно потоки, врываются в сознание извне и изнутри, вынужден помогать себе сам, осознанно делая то, что в прежние эпохи делали для человека семья, обычаи, церковь и государство. В ходе терапии мифы могут стать средством проповеди, способом испробовать новые жизненные модели или же отчаянным предприятием по восстановлению разрушенного уклада жизни. Мифы, по выражению Ханны Грин, «разделяют наше одиночество».

* Мифы Китая, Индии, Тибета, Японии и других стран Востока порождены культурой, отличающейся от нашей, поэтому наше понимание этой мифологии грешит неполнотой. Но они также являются нам зрелище цветущего сада, которое мы можем видеть хотя бы из садовых ворот. Джозеф Кэмпбелл представил нам превосходный обзор мифологии разных стран мира. В предлагаемой книге я, напротив, намерен разбирать *наши собственные, американские мифы* в том виде, в каком они обнаруживают себя в современном мире, в психотерапии, в социальном и религиозном опыте.

СЕКТЫ И МИФЫ

Статистика самоубийств среди молодых людей за последние годы производит ужасающее впечатление. На протяжении 1970-х годов количество покушений на собственную жизнь, предпринятых белыми мужчинами молодого возраста, значительно выросло. Можно пытаться предотвратить самоубийства разными способами – к примеру, звонить тем, кто находится в депрессивном состоянии, и прочее. Но наша главная цель – это делать деньги; мы практически не учим молодежь этике: ни семья, ни правительство не задают никаких этических образцов. Молодых людей не вдохновляют на поиски собственной жизненной философии; на телеэкране господствуют насилие и секс, и никто не способен научить тому, что такое любовь. И пока положение дел не изменится, пугающий уровень депрессии и самоубийств среди молодежи будет сохраняться.

Недавно на церемонии вручения дипломов в Стэнфордском университете выступал студент. Вот как он описал свой выпуск: «Мы не занимаем никакой позиции ни по отношению к прошлому, ни по отношению к будущему; у нас почти нет ощущения настоящего, нет принципов, которые поддерживали бы нас в нашем существовании – ни тех, что относятся к мирской жизни, ни религиозных». По этой причине у молодежи «нет ни цели, ни даже мысли о том, в каком направлении можно эффективно действовать». Пока в нашем мире и обществе будет зиять пустота, не занятая мифами и моральными ориентирами, люди будут испытывать депрессию и, как мы убедимся далее, совершать самоубийства. В следующей главе мы обратимся к некоторым причинам возникновения этой этической пустоты; пока же ограничимся утверждением, что нехватка мифов – это нехватка языка, без которого невозможно даже заговорить на подобные темы.

В ситуации, когда непонятно, куда идти (именно в таком положении мы оказались в конце XX столетия), неудивительно, что обезумевшие люди толпами уходят во вновь создаваемые секты или возрождают старые: они ищут причину своей тревоги, тоскуют, стремясь освободиться от чувства вины или

подавленности, пытаются как-то заполнить вакуум в своей жизни. Они обращаются за помощью к астрологам* или цепляются за примитивные суеверия прошлого, как бы те ни напоминали о временах, когда люди верили в колдовство**.

Вначале наш XX век был провозглашен эпохой, отмеченной счастливой печатью разума – эпохой, когда распространится образование, а религия наконец-то будет очищена от предрассудков и сама станет просвещенной. Действительно, все главные цели Просвещения реализовались, по крайней мере частично: *некоторые* люди обрели огромное богатство; на Западе большинство населения освободилось от тирании; распространилась наука – перечислять можно до бесконечности. Но что произошло? Мы, люди, испытываем значительно большую растерянность, нехватку моральных идеалов, страх перед будущим, не уверены в том, что предпринять, чтобы изменить порядок вещей или спасти собственную внутреннюю жизнь. «Мы – люди, информированные лучше всех на свете», – утверждает Арчибалд Маклиш:

Нас затопили факты, однако мы утратили, или утрачиваем, присущую нам как людям способность ощущать что-

* Опрос общественного мнения в США показал, что «32 миллиона человек в этой стране верят в астрологию». Причина заключается в «поиске смысла жизни», считает президент Международного общества астрологических исследований. «Знание о том, как расположены ваши звезды – это что-то вроде знания прогноза погоды применительно к жизненным проблемам». Особенно активно люди ищут «ответа на вопросы жизни» в периоды стресса (*Нью-Йорк Таймс*, 19 октября 1975 г.). Карл Заган потратил немало сил, обвиняя в своих телепередачах астрологию в ненаучности. Будучи профессором астрономии и ведя спор с соответствующих позиций, он не понимал, что астрология имеет совершенно иные основы. Астрология – миф, она требует языка мифа и обладает всеми недостатками и позитивными эффектами, присущими мифам.

** Существуют десятки сект, возглавляемых Раджнешем, Тругпа, Да Фри Джоном, Радхакришнаном, Муктанандой, Муни и другими; каждый год появляются новые. Мне не хочется обсуждать здесь достоинства или недостатки этих группировок; я упомянул их лишь в качестве примеров объединений, куда стекаются люди, стремящиеся найти какой-то способ так или иначе управляться со своей жизнью, совладать с тревогой и достичь некоего понимания смысла и цели существования.

то в связи с ними... Теперь наше знание головное, мы мыслим фактами, абстракциями. Мы более не способны знать так, как знал Шекспир, который заставил короля Лира прокричать на пустоши лишенному зрения Глостеру<...>: «Однако ты видишь, что творится на свете», – а Глостера ответить: «Не вижу, но чувствую»*.

Если язык отвергает миф, то за это приходится платить утратой человеческой теплоты, цвета, внутреннего смысла, ценностей – того, что привносит смысл в жизнь каждого из нас. Ибо мы понимаем других, отождествляя себя с субъективными значениями, присутствующими в их языке, узнавая на собственном опыте, что именно означают в их мире «важные» слова. *Без мифа мы подобны расе людей с поврежденным мозгом, понимающих лишь прямое значение слов и неспособных услышать говорящего.* Невозможно представить себе более внушительного доказательства обеднения нашей современной культуры, нежели популярное – хотя и глубоко ошибочное – определение мифа как чего-то ложного.

Жажда мифов и разочарование из-за недостатка адекватных мифов дают себя знать в употреблении наркотиков. Если нам не удастся обрести смысл собственной жизни, мы, по крайней мере, можем на какой-то срок вырваться из повседневной рутины, приобретая «внетелесный» опыт: кокаин, героин, крэк или другой наркотик унесет нас на время за пределы этого мира. Нечто подобное мы не так уж редко видим в психотерапии: когда человек обнаруживает, что в перспективе его ждут ошеломляющие трудности, он может придти к выводу, что все-таки он способен совершить хотя бы один поступок, влияющий на его судьбу – превысить дозировку наркотика или застрелиться. Если нас в любом случае ждет небытие, то лучше уйти из жизни не хныкая, а хлопнув дверью – второе не так унижительно.

* Арчибалд Маклиш, «Поэзия и журналистика», *Путешествие продолжается* [Archibald MacLeish, «Poetry and Journalism», *A Continuing Journey* (Boston: Houghton Mifflin, 1967), p. 43. Арчибалд Маклиш (1892–1982) – американский писатель, поэт, глава Библиотеки конгресса США].

Массовый уход в секты, в основном молодежи, но также и людей старшего поколения, опять-таки свидетельствует об отчаянной потребности в мифах. Любая группа, где обещают счастье и любовь и дают рекомендации, «как стать ближе к богу» (какому угодно), может вызвать интерес будущих адептов, и люди стекаются под знамена новой секты, как бы она ни называлась. Трагедия секты Джима Джонса в Гайане, где 980 человек покончили с собой по приказу своего авторитарного лидера, – предостережение, которое нельзя позабыть.

Секты обладают властью мифа, не стесненной никакими социальными ограничениями. Здесь нельзя нажать на тормоз, призвать к ответственности перед обществом. Вопль, обращенный к мифу, должен быть услышан: ведь если мы не обречем мифов, органичных для нашего общества, оно заполнит вакуум псевдомифами и верой в магию. Социологи сообщают, что опросы общественного мнения, проведенные в 1960-е и 70-е гг., свидетельствуют об угасании веры в Бога и усилении веры в дьявола*. Это отголосок страстного увлечения сектами, бытующего среди людей, которые ощущают разрушение внутренней целостности нашего общества и ищут способы как-то объяснить это.

Вера в дьявола воспринимается как нечто редкое и иррациональное, но это не так: она связана с попыткой бесильного увидеть в мире какой-то смысл, найти виновника грозящего разлада, ослабить диссонанс, порожденный подчинением социальному порядку, который непонятен и от которого не дождешься ответа**.

ОТРИЦАНИЕ МИФОВ

Наше утверждение, что мифы необходимы, может поставить в тупик: в нашей культуре на них, как правило, навешивают

* Клайд З. Нанн, *Укрепление веры в дьявола в Америке* [Clyde Z. Nunn, *The Rising Credibility of the Devil in America*]. (См. также главу 15.)

** *Слушание: Религиозно-культурный журнал* [Listening: Journal of Religion and Culture 9, no. 3 (Autumn 1974): 94].

вают ярлык чего-то ложного, неистинного, и мы привыкли к этому. Даже интеллектуально развитые люди подчас произносят примирительно: «Это всего лишь миф»; библейская история сотворения мира, к примеру, это «*всего лишь миф*»*. Использование по отношению к мифу словечка «только» с примирительным оттенком пошло со времен Отцов Церкви, которые в III в. до н. э. боролись с верой простонародья в греческие и римские мифы. Они доказывали, что лишь христианское учение верно, а греческие и римские легенды – это «только» мифы. Но если бы Отцы Церкви с большим доверием относились к мифам, которыми так богато христианство – упомянем миф о Рождестве с его мудрецами, следующими за звездой на востоке, дабы одарить младенца (история, полная неизъяснимого очарования!), или впечатляющее событие Пасхи, которое связано и с праздником весны, когда распускаются листья и цветы и прорастает пшеница, и с мифом о воскресении, – им бы не пришлось столь яростно нападать на великие мифы классической Греции и Рима.

Однако в наши дни есть иная причина для того, чтобы называть мифы ложью. Большинство из нас приучено мыслить лишь в рамках рационализма. По-видимому, мы стали жертвами предубеждения: нам кажется, что чем рациональнее наши утверждения, тем они ближе к истине (как считал психиатр, заменявший доктора Фрида в романе Ханны Грин). Этот монополизм левого полушария связан не с подлинной наукой, но со лженаукой. Грегори Бейтсон справедливо напоминает, что «голая рациональность, существующая в отрыве от таких явлений, как искусство, религия, мечты и тому подобное, неизбежно приобретает патогенные свойства и губит жизнь»**. Как мы уже писали, если мифы нас не удовлетворяют, первое, что мы делаем – начинаем бороться с ними: мы нападаем на саму идею мифа. Отрицание мифов, как мы увидим далее, – верный признак *нашего отказа посмотреть*

* Айзек Азимов. Угроза креационизма [Isaak Asimov. "The Threat of Creationism", *New York Times Magazine* (June 14, 1981)]. (Курсив мой.)

** Джон Брокман, *О Бейтсоне* [John Brockman, *About Bateson* (New York: Dutton, 1977), p. 92].

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru